

ОТРАЖЕНИЕ В ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ ОНОМАСТИКИ И ЭТНОНИМИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА*

Аннотация. Статья посвящена историко-этимологическому анализу онимов и выявлению отдельных (суб)этнонимов тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана, которые получили отражение в позднедревнерусской (вторая половина XIII - XV вв.) книжной традиции. Булгарские по своему генезису онимы локализуются на Северо-Восточном Кавказе, тогда как кумыкские субэтнонимы представлены также в соседнем регионе – Дагестане. Особенности отражения анализируемых слов в древнерусском языке позволили реконструировать их исходные формы в тюркских языках Северо-Восточного Кавказа и Дагестана.

Ключевые слова: тюркские языки Северо-Восточного Кавказа и Дагестана, позднедревнерусская книжная традиция.

G. Guseinov

THE ONOMASTICS AND ETHNONIMICS OF NORTH-EAST CAUCASUS AND DAGHESTAN'S TURKIC LANGUAGES IN THE LATE OLDRUSSIAN BOOK TRADITION

Abstract. The article is devoted to historical-etymological analysis of onims and to reveal separate (sub)ethnonims of North-East Caucasus and Daghestan's Turkic languages, which are reflected in the late oldrussian (second half of XIII - XV centuries) book tradition. Onims, Bulgarian in his origin, localize on North-East Caucasus, whereas Kумыkian subethnonims represent in neighbouring region – in Daghestan. The special features of analysed wordes reflections in the late oldrussian language allowed to reconstruct their basic forms in Turkish languages of North-East Caucasus and Daghestan.

Key words: North-East Caucasus and Daghestan's Turkic languages, late oldrussian book tradition.

Древнерусский (IX – конца XIII и даже XIV вв.) и старорусский (с XIV в.) периоды развития русского языка приходятся на время, когда уже установилось татаро-монголь-

ское иго и в 1502 году наследница Золотой Орды – Большая Орда, включавшая в свой состав территорию между Доном и Волгой, Нижнее Поволжье и степи Северного Кавказа, прекратила свое существование. Однако, несмотря на то, что распад древнерусской народности на русскую, украинскую и белорусскую относится к XIII – XIV вв., «четкую хронологическую границу между древнерусским языком и русским, украинским и белорусским языками провести невозможно, тем более что письменный (не разговорный) древнерусский язык с локальными вариантами сохраняется во многих письменных памятниках в XIV – XV столетиях» [25, с. 3]. Поэтому речь может идти о взаимоотношениях тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с позднедревнерусским (вторая половина XIII - XV вв.) языком.

Лингвистические свидетельства непосредственных взаимосвязей тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с позднедревнерусским языком представлены сравнительно ограниченным ономастическим и этнонимическим материалом. Так, в позднедревнерусской книжной традиции (летописях) рассматриваемого периода получают отражение географические ориентиры (ойконимы) Северо-Восточного Кавказа, первым среди которых упоминается «СЛАВНЫЙ ГРАД ЯСЬСКИЙ ДАДАКОВЪ» (ДЕДЯКОВЪ – в других вариантах) [см. 1, с. 494 прим. 24]. В его осаде и взятии принимали участие русские князья и их дружины в 1277-1288 гг. в составе войск золотоордынского хана Менгу-Темира [15, с. 195].

При этом город Дадаков/Дедаков локализуется в исторической области проживания кумыков-брагунцев – носителей самого северного терского диалекта кумыкского языка [см.: 15, с. 149, 202; 8, с. 313-314], проживавших и проживающих в пределах Северо-Восточного Кавказа. Затем вновь данный город упоминается в «Повести о Михаиле Тверском» (1319 г.), в которой (по Воскресенской летописи XVI в.) говорится об убийстве главного героя слугами его противника московского князя Юрия Даниловича в ставке хана

* © Гусейнов Г.-Р.А.-К.

Золотой Орды Узбека. Последняя находилась «ЗА РЕКОЮ ТЕРКОМ [ТЕРЕКОВ], НА РЕЦЕ НА СЕВЕНЦИ (вар.СЕВЕНЧИ), ПОД ГОРОДОМЪ ПОДЪ ТЮТЯКОВЫМЪ, МИНУВШИ ВСИ ГОРЫ ВЫСОКІЯ ЯСЬКІЕ И ЧЕРКАСКІЕ БЛИЗЪ ВОРОТЪ ЖЕЛЕЗНЫХЪ» [см. 1, с. 495 прим. 25].

В то же время вариант СЕВЕ[ѐ]НЦИ, поддерживаемый там же формой «на реце», отражает цокающее произношение, отмеченное и в соседних Твери районах, где оно может представлять собой наследие древнего новгородского диалекта, известное на окраинах его распространения [см. 19, с. 63, 64], исходного ч, т. е. *Севенч, который был известен как ‘город кипчакского царя Севенджа’ (1185 г.) на нынешней реке Сунже [15, с. 149]. С одной стороны, древнерусская праформа данного гидронима *Сев[ѐ]нч обнаруживает большую близость не только к его аналогичному болгарскому по происхождению этимону [см. 9, с. 36-37], поддерживаемому аналогичным генезисом гидронима ТЕРК, упомянутому в «Повести» раньше, чем в варианте Терка XVII века, как полагали до этого [см. 24, с. 47], но и к *sevinc* ‘радость, веселье’ у М. Кашгари и «Кутадгу билиг» (XI в.) [12, с. 497] при *sövünç* ‘радость’ Codex Cumanicus [см. 5, с. 20], к которому, видимо, восходит позднейшее кумыкское название этой реки – Сююнч. Но с другой – отмеченный в вышеупомянутом грузинском источнике вариант Севендж, но в контексте ‘город кипчакского царя Севенджа’ указывает на использование аффикса принадлежности 3 лица, т. е. Севенджи, и может отражать характерное для огузских, мамлюкско-кыпчакского, крымско-татарского и караимского (крымского) языков инлаутное озвончение исторической аффрикаты -ч->-дж- в составе аффиксов, в частности, порядковых числительных [см.: 20, с. 252; 21, с. 185], что характерно и для терского диалекта (брагунский говор) кумыкского языка [16, с. 35].

Аналогичная с аффиксом принадлежности модель образования ойконима ввиду возможности ее передачи посредством ауслатного -ов, используемого, например, в таких древнерусских названиях городов, как Гдовъ или Псковъ (*Пльсковъ), представлена и в наименованиях ДАДАКОВЪ// //ДЕДЯКОВЪ / ТЮТЯКОВЪ. Их корневая часть - Тютяк-/Дедяк-/Дадак - также имеет болгарское происхождение при озвончении t->d-, характерном для дунайско-болгарского языка и венгерских болгаризмов [см.: 8, с. 314-315; 13, с. 23].

Еще до этого имеет место первоначальное упоминание ВОРОТЪ ЖЕЛЕЗНЫХЪ, считающихся калькой с аналогичного тюркского названия, в Галицко-Волынской летописи XIII в., дошедшей в составе Ипатьевской летописи XV в., но в связи с более ранними (XII в.) событиями. Речь идет об изгнании Владимиром Мономахом половецкого князя «ОТРОКА ВО ОБЕЗЫ, ЗА ЖЕЛЕЗНЫЯ ВРАТА» [18, с. 236, 564 комм., 568 комм.], каковые в этом случае также должны быть отождествлены с Дарьялом, в непосредственной близости к которому и проживали кумыки-брагунцы.

Кроме того, в русских онежских былинах, собранных А.Ф. Гильфердингом, получил отражение известный в русских летописях (в «Повести о Шевкале») эпизод гибели в Твери в 1327 г. царевича по имени ШЕВКАЛЪ, посланного туда ханом Узбеком во главе карательного отряда [см.: 10, с. 52, 53; 24, с. 500-501]. В них татарский богатырь Щелкан Дудентьевич – зять сидящего в Тавре-городе царя Возвяка Таврольевича (Везвяка Везвяковича) – получает за убийство сына от царя Гордея Щелкановича Тверь [см. 10, с. 53]. При этом др.-русс. ШЕВКАЛЪ и русск. фолькл. Щелкан (Дудентьевич) восходят к кумыкскому социониму *шавхал* ‘шамхал’, ‘верховный правитель’, имеющему болгаро-савирское происхождение [см.: 7, с. 39-44]. Возможно, в названиях Тавр-город и Таврольевич отражается имя Тавлубия-мурзы (ср. тюрк., в т. ч. кум., *бий* ‘князь’), посланного ханом Узбеком (1339 г.) на Смоленск во главе рати [см. 7, с. 39]. Оно поддерживается кумыкскими антропонимами Тавлу, Тавсолтан/Тавсултан ‘горец, горский султан’. В них могли отразиться кум. *тавлу* ‘горец’ или ног. *тавлы* ‘кумык’, а в Возвяк/Везвяк – имя хана Узбека [см. 8, с. 315-316], хотя для последнего (Возвяк/Везвяк) она возможна и иная, более древняя болгарская (хазарская) этимологизация [10, с. 53].

В дальнейшем, в «Сказании о Железных Вратах», которое могло быть «записано в середине XV в. со слов путешественника, побывавшего в Дербенте и Ширване между 1436 и 1447 гг.» [4, с. 129, 131], упоминаются иные, чем в предшествующем изложении, Железные врата, стоящие над «морем Астраханским» (Каспийским) в районе Дербента в нынешнем Дагестане. В отличие от данного произведения, Афанасий Никитин в своем «Хожении за три моря» впервые в русской традиции упоминает в 1466 г. «Дербентъ» и

«море Дербеньское» [24, с. 500]. Называет он и «городок Тархи» (Тарки в районе нынешнего г. Махачкалы) – столицу независимого (с 1441 /1442 г.) кумыкского Шевкальского (ср. выше ШЕВКАЛЪ) царства. Русский путешественник сообщает также впервые для русского читателя об одном из кумыкских субэтнических подразделений – кайтагцах, именуемых им «кайтакы», и их («кайтачевском») князе.

В конце XIV в. часть кумыков-брагунцев в связи с нашествием Тимура уходит в Крым из области золотоордынского города Маджар [2, с. 91-95] (ныне г. Буденновск Ставропольского края, ранее – Святой Крест), который, как и Дадаков/Дедяков, находился в крайних западных пределах Северо-Восточного Кавказа – в области Борган-Маджар. Этот город в кумыкской исторической традиции был известен еще в раннем средневековье – эпоху хазар – как крепость Уллу (Большой) Маджар наряду с крепостью Кичи (Малый) Маджар на территории Засулакской Кумыки [14, с. 39].

Вышеупомянутый маршрут миграции кумыков-брагунцев подтверждается тем, что род барын оказывается представленным среди наиболее крупных феодальных кланов не только Крымского и Казанского (ширин, барын, аргын, мансур), но и Касимовского ханства (ширины, барыны, аргыны, кыпчаки). Выпадение инлаутного -гъ- в названии этого рода, восходящем к исходной форме *баргъун, известной в русской традиции последующего времени как *борагун* [6, с. 13, 14], носит закономерный характер в позиции перед сонорным в терском (брагунском) диалекте и присуще отчасти некоторым другим кумыкским диалектам [16, с. 46; 17, с. 254].

В свою очередь, название города Маджар может быть соотнесено с одним из аналогичных (*можар, мажар, маджар, мажгар*) наименований татар-мишарей [см. 3, с. 3], а также современным ойконимом Большие Можары в Поочье, в районе Мещеры южной Рязанщины, что еще раз указывает на направление (с юга) движения сюда вышеупомянутой части кумыков-брагунцев. Оно происходит как раз в конце XIV в. (см. выше), когда образуется Наровчатовское княжество (и имеет место отделение кумыкского языка от карачаево-балкарского [см. 22, с. 736]). Затем имеет место дальнейшее их пребывание в Касимовском ханстве и последующее перемещение в конце XVI века в Среднее Поволжье.

В русской традиции последующего вре-

мени, в частности в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), брагунские Маджары известны как «Можаров юрт» и обычно возводятся к названию венгров – *маджар* [14, с. 39], хотя подобная интерпретация не соответствует известной прошлой (нижнее течение Дона и Кубани) области расселения мадьяр на Северном Кавказе. Не связываемые с ними орлов. диал. мажары ‘мазарки, древнее кладбище, бугристое место’ восходят к татарскому арабизму мазар, отложившемуся в русских говорах Поволжья [см. 11, с. 90]. При этом, с позиций истории русского языка, русск. «*Можар (ов юрт)*» и (*Большие*) *Можары* закономерно отвечают (дезаффрикативация) более древнему названию данного города, упоминаемому в вышеназванной «Повести о Михаиле Тверском» (1319 г.) – МОЖДЪЖЧАРЫ. Сюда тело убитого князя было перевезено его спутниками через реку АДЖЪ (тюрк. *Ајі ‘горькая’, вероятно, нынешняя река Горькая), а затем до города БЕЗДЕЖЪ (вероятно, Везедево на Волге) [см. 1, с. 495 прим. 26].

Таким образом, наиболее древняя форма брагунского ойконима Маджары отложилась в «Повести о Михаиле Тверском». Кроме того, вышеизложенное позволяет возвести данный ойконим с учетом хазарской эпохи бытования обозначаемой им реалии (см. выше) к названию реки, страны и города хазар – первой их столицы Баланджар/Баранджар – при допущении кыпчакской позиционной назализации анлаута m-<*b- [см. 13, с. 40] и характерного для кумыкского языка выпадения инлаутного -л- в интервокальной позиции [см. 20, с. 355], а также «в окружении гласного и сонорного», что имеет место и в отношении -р- [17, с. 256]. О том, что исторические маджары-баланджары, исторические пределы проживания которых в хазарскую эпоху включали территории к северу от Дербента, а также долины рр. Терек (область расселения кумыков-брагунцев) и Сулак [6, с. 14, 15], длительное время находились и в пределах горного Дагестана, может говорить и уход тухума (рода) Маджарилал из с. Хунзах в ‘страну маджаров’ и один из связываемых с ними восточноаварских ойконимов из документа XV в. [см. 14, с. 40]. Этим, в частности, объясняется отмеченное выше хазаро-булгарское происхождение большинства онимов, получивших отражение в позднеревнерусской книжной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алемань Агусты. Аланы в древних и средневеко-

- вых источниках. – М., 2003.
2. Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. – Махачкала, 2004.
  3. Ахатов Г.Х. Мишарский диалект (Учебное пособие). – Уфа, 1980.
  4. Бегунов Ю.К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана // Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. Труды отдела древнерусской литературы. Сб. ст. – М.-Л., 1965. – Т. 21.
  5. Гаркавец Александр. Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. – М., 2006.
  6. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Брагунцы и барсилы // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2000. – Вып. 1.
  7. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шавхал // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2001. – Вып. 2-3.
  8. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Золотая Орда и средневековая кумыкская государственность по историческим, лингвистическим и фольклорным данным (конец XIII- конец XIV вв.) // Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII- XV вв.)». – Казань, 2009.
  9. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Географические ориентиры Северо-Восточного Кавказа золотоордынской и предшествующих эпох в «Повести о Михаиле Тверском»: лингвокультурный и историко-этимологический аспекты // Материалы Международной научной конференции «Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты». – Ростов-на-Дону, 2009.
  10. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Антропонимика русских былин в контексте ее древних отношений с тюркскими языками Северо-Восточного Кавказа // Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики». – Майкоп, 2010.
  11. Добродомов И.Г. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие s-š) // Советская тюркология. – М., 1971.
  12. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
  13. Дыбо А.В. Лингвистические контакты древних тюрков. – М., 2007.
  14. Идрисов Ю.М. Хазарские холмы. – Махачкала, 2010.
  15. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.
  16. Ольмесов Н.Х. Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. – Махачкала, 1994.
  17. Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. – Махачкала, 1997.
  18. Памятники литературы Древней Руси: XIII в. – М., 1981.
  19. Русская диалектология. – М., 2005.
  20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1984.
  21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1988.
  22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 2002.
  23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964. – Т. I.
  24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1973. – Т. IV. – С. 85.
  25. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л., 1972.

УДК 111.1

Иванова Г.Ф.

МНЕНИЕ О БУДУЩЕМ: ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ВЕРА, НАМЕРЕНИЕ (на материале ментальных предикатов)*

Аннотация. Представление о будущем составляет важнейшую часть внутреннего мира человека. Человеческое мышление принципиально обращено к будущему. Язык содержит большое количество фактов, свидетельствующих о значимости представления о будущем в ментальном мире человека. Особенно ярко идея будущего представлена в предикатной лексике. Предметом изучения в настоящей статье явились предикаты, вводящие мнение о будущем. В исследовании представлены предикаты трех семантичес-

ких классов: 1) предикаты предположения; 2) предикаты веры; 3) предикаты намерения.

Ключевые слова: мнение, предикат, предположение, вера, намерение.

G. Ivanova

OPINION ON THE FUTURE: THE ASSUMPTION, BELIEF, INTENTION

Abstract. Representation of the future makes the major part of an inner world of the person. The human thinking is essentially turned to the future. Language contains a considerable quantity of the facts testifying to the importance of representation of the future in the

* © Иванова Г.Ф.